

Лу Сяофэн двумя пальцами удерживал длинный кнут женщины, не давая ей пошевелиться. Услышав, что битва завершилась, он бросил взгляд в ту сторону и с сожалением подумал: «Под мечом Симэня Чуйсюэ нет выживших, и этот старик, похоже, не сможет спокойно прожить свои последние годы». Впрочем, даже если бы они не вмешались, было бы трудно сказать, смог бы старик наслаждаться своей старостью.

Он посмотрел на Хуа Маньлоу, который спешил спуститься вниз, вероятно, чтобы спасти кого-то от меча Симэня. По крайней мере сейчас мужчина, чьи акупунктурные точки он задел, хотя и лежал на земле, всё ещё дышал, наслаждаясь последними лучами заходящего солнца.

Хуа Маньлоу и Симэнь Чуйсюэ, хотя и были друзьями, всегда сохраняли некую дистанцию между собой. Один был богом меча, стоящим на облаках и равнодушно вззирающим на мир, наслаждаясь одиночеством. Другой — цветочным божеством, всегда улыбающимся и несущим красоту в мир. А сам он, Лу Сяофэн, был маленьким фениксом, способным парить в небесах и бродить по земле. Он был тем, кто мог жить счастливо в любом окружении, будь то небо, земля, море или пустыня.

Эй, а почему он испытывал такие чувства к Хуа Маньлоу, а не к Симэню Чуйсюэ?.. Фу, какая странная мысль! От одной только мысли у него по коже побежали мурашки.

Он стоял посреди комнаты, разговаривая сам с собой, и чуть не забыл, что напротив него всё ещё находилась женщина. Она воспользовалась моментом, чтобы вырвать свой кнут и попытаться сбежать, но Симэнь Чуйсюэ бросил камень, который ударил её в спину, и она упала.

— Брат Лу, о чём ты думаешь? — подошёл Хуа Маньлоу, полагая, что он размышляет над делом.

— Я думаю, почему я испытываю такие чувства к тебе, а не к Симэню Чуйсюэ? — Лу Сяофэн, находившийся в состоянии замешательства, выпалил то, что было у него на уме.

...

Хуа Маньлоу, казалось, на мгновение замер, а затем мягко улыбнулся:

— Действительно, брат Симэнь стоит особняком, и он прекрасно подходит тебе, брат Лу. Стоит задуматься.

После этих слов Лу Сяофэн покраснел и начал оправдываться, но Хуа Маньлоу уже пошёл внутрь, не обращая внимания на его крики.

Глупец. Он был настоящим глупцом.

С тех пор, как он начал серьёзно задумываться об этом, он смог понять чувства Хуа Маньлоу и то, почему он никогда не высказывал их вслух. Спокойный и сдержанный, он предпочитал в одиночку возвращать цветок своей любви, наблюдать за его ростом и расцветом. Он не хотел обременять других своими чувствами, поэтому никогда ничего не требовал.

Но столкнувшись с такой широтой души, Лу Сяофэн не знал, смеяться ему или плакать. Он был тронут чувствами Хуа Маньлоу, но в то же время хотел, чтобы они стали ближе, ближе, чем с кем-либо другим. Например, если бы он действительно ревновал к Симэню, он бы, наверное, тайно радовался. Но Хуа Маньлоу спокойно ответил, словно ничего не произошло. Неужели он действительно готов отпустить его, если тот испытывает чувства к Симэню?

Он знал, что Хуа Маньлоу действительно поступил бы так, и это сводило его с ума. Он не знал, что делать.

Симэнь Чуйсюэ подошёл и произнёс слова, которые не соответствовали его холодному выражению лица:

— Говорят, у тебя есть ко мне нечистые мысли?

...

Какие ещё нечистые мысли, чёрт возьми! Лу Сяофэн злобно посмотрел на того, кто любил сеять хаос, а затем пошёл к двум побеждённым, чтобы выпустить свой гнев.

Симэнь Чуйсюэ, протирая меч, взглянул внутрь — если раньше он считал слова дядюшки Юня шуткой, то теперь действительно понял, насколько силён Хуа Маньлоу. Без единого слова он полностью завладел сердцем этого глупого феникса, не оставив ни капли сомнений.

Неужели в этом мире есть что-то, что может разрушить всё сильнее, чем меч? Взглянув на пустой кувшин с вином на столе, бог меча впервые засомневался.

Но это сомнение длилось лишь мгновение, потому что Хуа Маньлоу снова вышел из гостиницы, на этот раз с теневым стражем:

— Девушка Линлун пропала.

Едва эти слова были произнесены, Лу Сяофэн уже бросился внутрь:

— А дядюшка Юнь и Юй Си?

Юй Си был странным человеком. С тех пор, как Второй господин Хуа принёс Призрачные цимбалы, он не мог оторвать от них глаз, что-то бормоча себе под нос. Даже ночью он зашёл в комнату девушки и провёл там немало времени, прежде чем выйти.

Симэнь Чуйсюэ заметил, как они выскользнули из окна, но не успел ничего сказать, как Лу Сяофэн, прикрыв уши, с подозрением спросил:

— Вы опять не слышали звука цитры?

Хуа Маньлоу покачал головой, а Симэнь Чуйсюэ насторожился.

— Нет, — Лу Сяофэн покачал головой, — на этот раз был не только звук цитры, но и флейты, будто целая мелодия.

Хуа Маньлоу немного задумался:

— Среди четырёх сокровищ есть и цитра, и флейта. Неужели Линлун забрала Призрачные цимбалы и собрала все инструменты?

Теневой страж Второго господина Хуа вышел и что-то сказал Хуа Маньлоу. Тот, выслушав, взглянул на Симэня Чуйсюэ и сказал:

— Второй брат сказал, что дядюшка Юнь взял Призрачные цимбалы.

Ну что ж, всё ясно — это связано с этим стариком и молодым человеком.

— Где звук? — Симэнь Чуйсюэ уже был готов убрать последствия за этими двумя.

Лу Сяофэн с сочувствием посмотрел на него — если бы это был только дядюшка Юнь, но теперь ещё и Юй Си, с которым у него были неясные отношения. Бедный бог меча. Затем он указал в сторону бамбукового леса Мучуань.

Бог меча устремился вперёд, а хозяин Дань-эр высунул голову из окна:

— Лу Сяофэн, не забудь, что ты обещал мне сообщить, когда увидишь потомков Алого Пера!

— Почему бы тебе не пойти с нами? — Лу Сяофэн упёр руки в бока.

Он никогда не видел человека, который бы так ловко избегал работы, но при этом постоянно просил других помочь.

Хозяин Дань-эр потер глаза:

— Мой послеобеденный сон нельзя пропускать, иначе ужин не пойдёт впрок.

Затем он зевнул и убрал голову, действительно собираясь спать.

Сонливость — это болезнь, её нужно лечить.

Лу Сяофэн ворчал про себя, когда Хуа Маньлоу заговорил:

— Этот хозяин Дань обладает неплохими внутренними силами, но, кажется, ему крайне необходим сон. И он так заинтересован в потомках Алого Пера. Неужели между ними есть связь?

Как говорится, сердца, связанные узами, понимают друг друга без слов. Лу Сяофэн тут же заволновался, подошёл ближе и схватил его за руку:

— Хуа Маньлоу, как ты всегда знаешь, о чём я думаю?

Теневые стражи, стоявшие за Хуа Маньлоу, напряглись, наблюдая за его действиями. Первый страж даже не осмеливался поднять голову, боясь увидеть взгляд Второго господина Хуа, который был строже, чем домашние правила.

— А брат Лу знает, о чём я думаю? — Хуа Маньлоу, к удивлению, не отстранился, позволив ему держать свою руку, но повернул голову и задал вопрос.

Лу Сяофэн на мгновение замер, а затем улыбнулся:

— Конечно, знаю.

С этими словами он потащил его в сторону Мучуань, и даже когда они уже далеко отошли от постоянного двора «Шучжун», он всё ещё держал его за руку.

— Хуа Маньлоу, ты должен поверить мне в этот раз, потому что на этот раз я уверен в себе.

Да, раньше он никогда не верил, что способен на верность, но теперь всё больше убеждался в этом, и эта уверенность становилась всё крепче.

Снова стоя перед бескрайним бамбуковым морем, Лу Сяофэн и Хуа Маньлоу испытывали

благоговение. Этот бамбуковый лес не напоминал им о прошлых славных временах и позоре ненависти, как говорил Цин Цю. Напротив, они предпочитали думать, что каждый зелёный бамбук был наделён смыслом охраны тем, кто когда-то был королём. Он погиб в войне, и для короля это, возможно, была достойная смерть. А через двести лет после его смерти бамбуковое море стало символом того, что его дух охраняет эту землю — землю, которая записала его жизнь и смерть, а также жизнь и смерть его воинов.

История может поблёкнуть, но не исчезнуть. Ей не нужна ненависть, чтобы обновиться, ей нужно только помнить.

Жаль, что Цин Цю и его люди, преданные на протяжении поколений, не смогли понять этого. Не то чтобы они были невежественны, просто они оказались в ловушке и не могли найти выход. Таково обычное состояние мира!

<http://bllate.org/book/16229/1458475>